

СТАНОВЛЕНИЕ «ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА» И ПОЭЛЕМЕНТНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАРЛА ПОППЕРА

.....

А. И. Дзема

Социально-исторические идеи Карла Поппера в современной России известны широкому кругу ученых и политиков, имеют большое число приверженцев, пропагандирующих их в научных журналах, газетах, с экранов телевизоров. В первую очередь о Поппере говорят как о теоретике либерального «открытого общества» – учения, являющегося синтезом воззрений философа на человека, общество и историю и потому объединяющего в себе эпистемологические, методологические, этические, политические и другие идеи. В их ряду находится и высоко ценимая политологами концепция поэлементной социальной инженерии, предполагающей постепенное, частичное реформирование социальных и политических институтов как необходимое условие общественного прогресса. Тот факт, что проводимые в России реформы противоречили научным рекомендациям поэлементной инженерии и носили радикальный, широкомасштабный характер, а последствия таких преобразований оказались непредсказуемы и неуправляемы, послужил, в свою очередь, основанием для частых упреков в адрес отечественных политических деятелей.

Однако вдумчивое аналитическое прочтение основных социально-философских произведений К. Поппера (хотя бы книг «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма») позволяет понять: характер реформ предыдущих десятилетий и вызванные ими последствия находят свое объяснение в ключевых положениях теории «открытого общества». Чтобы доказать это, обратимся к самой концепции поэлементной инженерии Карла Поппера.

Частичная социальная инженерия у К. Поппера обозначает частную и государственную социальную деятельность, где люди используют знания социальной технологии [9, с. 27]. Признавая практическую ценность научных пред-

* Дзема Алексей Игоревич – кандидат философских наук, преподаватель филиала Кубанского государственного университета в г. Новороссийске. Электронная почта: dzema@front.ru.

сказаний социальных событий, К. Поппер различает предсказание-«пророчество», которое предупреждает о событии, и «технологическое предсказание», являющееся основой инженерии и отвечающее на вопрос «что делать, чтобы добиться желаемых результатов» [8, с. 73]. Первый тип предсказания относится к наукам неэкспериментальным (например, астрономия), а второй – к экспериментальным. Частичная социальная технология отбирает важные теоретические проблемы, предъявляя к ним требования ясности и проверяемости на практике. Задача социальной технологии – установить, какие социально-политические цели не могут быть достигнуты [9, с. 23–26], а какие – реально осуществимы.

Либерализм пытается создать общество, служащее человеку и его свободам. В связи с этим встает вопрос о том, как подчинить себе социальные институты, опираясь при этом на разум и науку. Номиналистская установка экспериментального метода, которой пытается неукоснительно следовать мыслитель, ставит целью не познание сущности вещи, а решение практических проблем. Она обусловила быстрое развитие теоретического естествознания и проложила дорогу практическому применению его открытий в области техники. Поэтому, чтобы вывести социальные науки из кризиса, К. Поппер предлагает взять за образец методы естественных наук и разработать на их основе социальную методологию.

Подчинение природы человеку предполагает познание ее закономерностей и выяснение того, какие цели осуществимы в их рамках. То же самое, согласно Попперу, имеет место и при решении социальных проблем. Здесь также необходимо экспериментальное познание социальных законов, которые, не действуя сами, вместе с тем определяют, какие цели достижимы и каковы социальные последствия наших поступков. Таким образом, методология технологической социальной науки состоит в исследовании общих гипотез и законов социальной жизни, аналогичных естественнонаучным законам и гипотезам, и в проверке их экспериментальным методом проб и ошибок.

Важным источником информации для поэлементной социальной технологии служит исторический опыт [8, с. 74–75]. У нас есть экспериментальное знание о социальной жизни, где люди ежедневно пытаются достичь практических целей и учатся на ошибках, уверен К. Поппер. По его мнению, «с точки зрения частичной технологии между донаучным и научным экспериментальными подходами нет ярко выраженного различия» [9, с. 39]. В обоих случаях применяется метод проб и ошибок, который по мере развития сознательной готовности к смелым попыткам и критического внимания к ошибкам принимает все более научный характер. Применение метода проб и ошибок предполагает также уклонение от обширных реформ и проведение тех, где можно разобраться в причинах и следствиях собственных действий. Частичная социальная инженерия предлагает частные проекты, которые относительно просты и затрагивают

одно социальное учреждение, и если они не дают эффекта, то ущерб от них невелик и поправим. Применяющий ее политик не стремится воплотить счастье на Земле, ибо для этого не существует институциональных средств, но он будет искать «нестерпимые социальные беды», чтобы бороться с ними [10, с. 201].

Гуманистическая этика К. Поппера строится на признании неспособности ограниченного человеческого разума познать абсолютные критерии истины и справедливости. Из этого убеждения вытекает, что максимизацию счастья и минимизацию нищеты нельзя рассматривать как критерии справедливости. Минимизация нищеты не может быть критерием справедливости, ибо это вопрос общественной политической деятельности, т. е. в каждом конкретном случае требуется ответ, насколько справедливо его применение. Если же говорить о счастье, то оно должно быть предоставлено заботам самого индивида [11, с. 462]. Так проявляется несогласие К. Поппера с утилитаристским обоснованием либерализма, усматривающим цель законодательства в «возможно большем счастье для возможно большего количества людей». В действительности, отмечает английский мыслитель, желание сделать людей счастливыми, установить рай на Земле приводит к созданию преисподней, так как эта идея влечет за собой крайнюю нетерпимость. Социальное же реформирование, сосредоточившись на борьбе против страданий, оставляет прерогативу заботиться о счастье ограниченному кругу друзей того или иного человека [11, с. 274]. Борьба с частными проявлениями зла и несправедливости, согласно К. Попперу, эффективна и в том смысле, что относительно этих вещей достаточно легко прийти к согласию, ибо они эмпирически очевидны, даны нам в опыте, в отличие от умопостигаемой метафизической идеи абсолютного блага.

С этической стороны именно поэлементная социальная инженерия воплощает идеалы беспристрастного гуманизма, эгалитаризма и индивидуализма. Равенство людей как принцип разумного и справедливого общества предполагает в конечном счете беспристрастность, т. е. рациональную характеристику, поэтому эгалитаризм возможен только при опоре на «рацио», а не на чувства, которые делят людей на друзей и врагов. «Кто учит, что править должен не разум, а любовь, открывает дорогу тому, кто будет убежден, что править должна ненависть» [11, с. 273]. Эмоции – это насилие, разум – это беспристрастность, разумный компромисс.

Что же представляет собой этот беспристрастный разум? Такой разум должен, по К. Попперу, отказаться от роли судьи конечных ценностей, решателя метафизических проблем. Ему отводится инструментальная функция – обеспечить продвижение от одной промежуточной цели к другой, решая частные технологические проблемы, оперируя относительными вещами, но никогда – абсолютными идеалами общественной жизни. Ведь последние предполагают затрагивающую каждую личность глобальную перестройку социума согласно идеальному образцу. Однако такая тотальная перестройка, замеча-

ет К. Поппер, не учитывает неопределенности, которая обуславливается личностным фактором. Пока утопист занят проблемой преобразования человека, социальная инженерия стремится проектировать институты так, чтобы они максимально ослабили неопределенность, связанную с личностным, иррациональным элементом [9, с. 28–30]. Поэтому соответствующей рациональной установке К. Поппер считает борьбу с отдельными проявлениями социальной несправедливости. Построение же идеального общества, земного рая, не может рассматриваться как цель для социальных наук, ибо такая реальность как общество в целом, со всеми конкретными связями, включая счастье индивидов, чрезмерно сложна и оттого закрыта для исчерпывающего рационального познания. Ведь разум, по убеждению К. Поппера, имеет дело только с абстракциями, общими понятиями, дающими представление об отдельных, избранных сторонах предмета. Сделать объектом исследования такие реальности как общество, история, человечество в целом или даже конкретную живую личность, разуму не под силу [9, с. 33–37]. Этим объясняется, почему личностный фактор для ученого представляет в конечном счете иррациональный элемент в системе общественной жизни. Единственное, на что может рассчитывать наука, это выработать технологические знания по проектированию государственных и социальных институтов, которые бы сводили к минимуму личностный фактор и его влияние на политические решения.

Понятие социального института и есть та абстракция, с высоты которой социальные науки должны рассматривать общество. Задачи социальной инженерии, по К. Попперу, – это проектирование, перестройка социальных институтов и управление ими. Вопрос об их происхождении выносится за скобки. Неважно, что «лишь немногие социальные институты были спроектированы сознательно, тогда как огромное большинство просто „выросли“, будучи непреднамеренными результатами человеческих действий» [9, с. 27]. Попперовская социальная инженерия, репродуцируя технику естествознания, исследует пути повышения эффективности этих институтов, рассматривая их как средства, машины, обслуживающие наши цели и призванные создавать условия для общественного прогресса [10, с. 55].

Исходя из сказанного, можно выделить следующие условия, необходимые для успешного осуществления проектов поэлементной социальной инженерии. Во-первых, в обществе должны присутствовать либеральные свободы, утвердиться принцип индивидуализма. Во-вторых, предполагается относительная изолированность социальных институтов друг от друга и от общества в целом, а также разьединенность общественной и личной сфер. В-третьих, господство технологического инструментального разума и механистический подход к социальным институтам должны соединяться с их номиналистской трактовкой.

Совокупность этих важнейших условий предполагает, что «открытое общество» уже возникло, уже существует, хотя и остается открытым для дальней-

шего, практически бесконечного совершенствования. Ведь реальное несовершенство «открытого общества» не отменяет принципиального отличия его от общества «закрытого».

Вот как выглядит дихотомия «открытое – закрытое» общество у К. Поппера. Если в «открытом обществе» на первый план выступают такие ценности как личность, свобода выбора, рациональная критичность, личная ответственности и самостоятельность, то в «закрытом обществе», напротив, индивидуальная инициатива подавляется, разум порабощен предрассудками, догмами. В понятии «закрытое общество» автор объединяет племенные, традиционные и тоталитарные типы социальной жизни, в общем, все те, что не соответствуют либерально рационалистическим принципам устройства общества.

«Закрытое общество» – это прежде всего организм. В нем целое (коллективный разум, обычаи, всеобщее благо и т. д.) довлеет над частями, подчиняя себе составляющих его индивидов, регламентируя и контролируя все стороны их жизнедеятельности. Общество представляется самодовлеющей реальностью, существующей и развивающейся по собственным законам. Оно нечто более ценное, более истинное, более конкретное и совершенное, нежели отдельный индивид. Человек со всеми его социальными и личными связями изначально встроен в общественное целое как его клетка, орган.

В «открытом обществе», напротив, социальные связи между людьми обретают все более абстрактный, договорной характер, что соответствует принципу индивидуального выбора, самоопределения, а также идее, что человек есть собственник своей жизни и несет все полноту личной ответственности за свои поступки. По сути, такое общество – это не организм, а некий агрегат социальных атомов, активность которых есть единственный источник существования и развития социума.

На Западе первыми переход от «закрытого общества» к «открытому» совершили греки, чему сопутствовали, согласно английскому мыслителю, объективные исторические обстоятельства. В духе локковского либерализма, К. Поппер утверждает, что основополагающую роль здесь сыграли морское сообщество и торговля [10, с. 222–225]. Однако этот переход, помимо прогрессивного импульса, имел и негативные последствия, которые К. Поппер обозначает термином «напряжение цивилизации»: возникают «трения между классами», человек, перестав ощущать себя частью целого, оказывается один на один с миром и непредсказуемым будущим, таящими в себе опасности. Он утрачивает привычный мир, границы которого были обозримы. У него нет более четких и незыблемых ориентиров поведения, освященных традицией и опытом предков, каждый шаг его сопровождается сомнением.

Очевидно, что крах «закрытого общества», равно как и возникновение «открытого общества», есть процесс глобальный, несоизмеримый с частичным реформированием ни по масштабу, ни по своему характеру и последствиям,

ибо предполагает трансформацию структуры общества, его атомизацию, изменение ценностных ориентиров в сознании его членов, т. е. в конечном счете именно «холистское» преобразование человека и общества. Анализ таких преобразований, согласно критериям попперовской социальной инженерии, не способен добавить что-либо к нашему экспериментальному научному знанию, ибо они равносильны «действию с неопределенным результатом, а не средству приобретения знания путем сравнения полученных результатов с ожидаемыми» [9, с. 38]. Здесь даже отсутствует возможность учиться на ошибках ввиду сложности общественной жизни и долговременности осуществления таких проектов. Ведь задействовано слишком много факторов [9, с. 40], и трудно разобраться, где причина, а где ее результат [9, с. 28].

Если следовать теории «открытого общества» до конца, то приходится признать, что исторический процесс, по ходу которого закладываются основания под господство инструментального разума в общественной жизни, самим этим разумом не может управляться и контролироваться; а если это так, то где гарантии, что крах «закрытого общества» неизбежно приведет к появлению общества «открытого»? Строго говоря, научных оснований для такого предположения у К. Поппера вы не найдете. Более того, он сам отказывается от глобальных пророчеств, указывая, что дихотомия «открытое – закрытое общество» есть лишь одна из возможных интерпретаций исторического процесса, не имеющая под собой объективных оснований. По его словам, теория «открытого общества» как интерпретация истории в этом смысле ничем не отличается от марковского учения об общественно-экономических формациях. Решающее преимущество своей интерпретации истории К. Поппер видит не в ее объективности, а в том, что она соответствует проблемам современного поколения и способна лучше объяснять исторические факты, чем теистическая, гегелевская или марксистская.

Любопытно, что теоретики коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс, которых К. Поппер безоговорочно квалифицирует утопистами, тоже держались «за таинственную силу конечных целей» [3, с. 180]. Доктринерство, неизбежно фантастическое предвосхищение К. Маркс называл бесплодной фантазией, «отвлекающей от борьбы сегодняшнего дня» [7, с. 132]. Негативно относился к утопии Ф. Энгельс, автор работы «Развитие социализма от утопии к науке». Однако подобно тому, как марксизм в «Немецкой идеологии» описывает коммунистическую утопию [6, с. 32], Карл Поппер рисует утопическую картину «абстрактного общества», в котором свобода человека от общества как совокупности конкретных личностей воплощается, в частности, в искусственном осеменении, которое позволило бы даже размножаться без личных контактов [10, с. 219].

Неизбежность утопического характера исторической философии марксизма и попперианства кроется, на наш взгляд, в их приверженности проекту

Просвещения. Как справедливо отмечает исследователь западноевропейской философии П. П. Гайдено, утопический активизм индустриально-технической цивилизации отражен в двух его главных вариантах: «социального революционизма и технократической воли к переустройству человеком не только Земли, но и всего космоса» [2, с. 114]. Хотя К. Поппер и подчеркивает псевдорационалистическую подоплеку утопии, на деле, как пишет Х. Маравалль, она есть плод новоевропейского рационализма [5, с. 229], рациональное творение человека [5, с. 222]. Несмотря на то что философ связывает понятие совершенного общества с утопией и направляет нас на борьбу со злом, присутствующим в настоящем, он все же не может обойтись без конструирования определенного социального идеала. Ведь по его же концепции, отнюдь не жесткая причинность, а притяжение и открытость будущего держат мир в состоянии разветвления. Он воспроизводит идею Просвещения, согласно которой исторические события, действия людей обусловлены не прошлым, а связью с идеалом, а следовательно, без утопизма мы опять впадаем в детерминизм. Об этом писал К. Мангейм, указывая на близость социализма либеральной утопии [4, с. 151]: «Глубочайшая движущая сила либеральных идей Просвещения заключалась ... в том, что эти идеи всегда обращались к свободной воле и пробуждали ощущение того, что они не обусловлены, непредвзяты» [4, с. 143]. «Либеральное представление о необусловленности явлений основывалось на вере в непосредственную связь с царством абсолютного долженствования, с идеей. Эта сфера долженствования свободна от истории в силу своей значимости; с точки зрения либерала, она несет в себе самой движущую силу. Не процесс порождает идеи; только их обнаружение, открытие, только „просвещение“ создает силу, формирующую историю» [4, с. 155]. Либеральный просвещенческий утопизм, характерный для рационалистической традиции Просвещения и отразившийся на попперовском технологическом подходе к социальному знанию, несомненно, присущ исторической философии К. Поппера, как бы он этого ни отрицал.

Утопический, холистский характер проекта построения «открытого общества» позволяет уяснить, почему наша страна, которую активно «приглашали» вступить в круг «открытых обществ» Запада, изначально обрекала себя на тяжелые потрясения с непредсказуемыми результатами. Наверняка многие на Западе действительно желали, чтобы Россия стала процветающей демократической страной, а некоторые прекрасно осознавали разрушительные для России последствия этой трансформации. Но в данном случае субъективные цели играли и продолжают играть далеко не первостепенную роль. Потому-то и пропаганда поэлементной инженерии сегодня, когда в результате краха «закрытого общества» получилась лишь пародия на западное либеральное общество, остается в лучшем случае благодушным пожеланием.

Не смотря на, казалось бы, очевидную теоретическую ограниченность и идеологическую ангажированность позитивистских теорий, они по-прежнему находятся в центре внимания российского политологического сообщества, в то время как традиция классической социально-философской мысли, нашедшая в русской философии ярких последователей и продолжателей, остается где-то на периферии. Такое положение дел, на наш взгляд, свидетельствует о подверженности российской политической науки внешним влияниям и идеям, которые она часто, вследствие утраты философской культуры мышления, не способна критически осмыслить. Дело, понятно, отнюдь не в том, что западная мысль оказалась прогрессивнее отечественной. В качестве примера укажем известного русского философа С.Н. Булгакова, который вместе с другими философами-соотечественниками на полвека (!) раньше К. Поппера доказал несостоятельность научных исторических пророчеств, в том числе прогрессистского толка, дал глубокую критику социального гедонизма и утопии земного рая, разглядел псевдонаучный характер марксистского учения и выдвинул идею необходимости борьбы с частными недостатками в обществе, подчеркнув важную роль в этом деле позитивных наук, в том числе социологии.

И здесь нужно сказать, что сама идея поэлементной инженерии не является ложной или практически неосуществимой. Все дело в ее позитивистском обосновании, которое она получает у Поппера, в том, что для своего осуществления она требует ломки того, что называют «закрытым обществом», во имя установления либерального «открытого общества», где торжествует позитивная наука и ее методы. Эта идея питается духом технократического утопизма, из которого и вырос позитивизм.

Но возможно и иное обоснование стратегии «малых дел» (если воспользоваться термином, возникшим в народничестве после неудачного «хождения в народ»), которое мы встречаем у С.Н. Булгакова. Оно базируется на классической философской культуре и христианском миропонимании, резко отличающемся от юридически-рационалистической концепции Поппера. Приведем для иллюстрации лишь одну цитату из статьи русского философа:

«Нравственный закон, несмотря на абсолютный характер своих велений, осуществляется только в конкретных целях. Этим ставится новая задача нравственной жизни – наполнить пустую форму абсолютного долженствования конкретным относительным содержанием, найти мост от абсолютного к относительному, установить различие между добром и злом в конкретной жизни. Здесь приходит на помощь положительная наука. Она является тем арсеналом, в котором избирает свое оружие нравственная воля. В частности, что касается общественных наук, изучающих различные формы социального бытия в прошлом и настоящем, то они в наше время являются как бы специально призванными к тому, чтобы ориентировать в действительности и освещать добро и зло в социальной жизни. Как и во всем относительном, разум идет здесь шатким

путем: понятия добра и зла в конкретной жизни спорны, возможны ошибки, не спорно лишь самое понятие добра и зла, объединяющее всех людей. Человек, в меру того понимания действительности, которого ему удалось достигнуть (и в котором не последнюю роль играет наука), из безбрежного моря зла выбирает именно то, что может и должно быть устранено теперь же и его именно силами, на чем ему в данный момент сосредоточить борьбу... Каждый век, каждая эпоха имеют какую-нибудь свою историческую задачу, определяемую объективным ходом вещей. Таким образом, хотя нравственный закон абсолютен... его содержание всегда дано историей» [1, с. 82–83].

По мысли С.Н. Булгакова, сегодня в числе первейших задач политики не менее актуально, чем сто лет назад, должно быть осуществление реальных мер, направленных на укрепление в обществе нравственно-здорового начала, связанного с религиозным воспитанием человека, возвращением к идее самоограничения не только ради выживания, но и во имя служения высоким нравственным идеалам. Только тогда появится возможность сконцентрировать внимание и силы людей на борьбе с конкретным общественным злом и недостатками.

Сейчас же в основе развития общественной жизни видят экономическое процветание, направляемое непреложным принципом: «потребности человека и общества безграничны, а ресурсы для удовлетворения этих потребностей ограничены». Тем самым поиск человеком «ресурсов» для удовлетворения своих бесконечно растущих потребностей, осуждаемый не только христианской, но и античной культурой, рассматривается как позитивный двигатель цивилизации, более того, как аксиома разумного (!) поведения современного «экономического человека». В соответствии с этим умонастроением «реалистичная» политика, к которой призывает К. Поппер, также стремится опереться на «злое начало» в человеке, выставляя его источником улучшения жизни общества. Ведь главное отличие демократии от тирании, как не так давно напомнил телезрителям программы «Времена» известный политолог А. Мигранян, согласно К. Попперу, состоит в том, что при тирании – один Гитлер или Сталин, а при демократии – огромное количество «сталиных» и «гитлеров», взаимно сдерживающих друг друга. В этом попперовском описании демократии (если отвлечься от ассоциаций с домом сумасшедших, населенным «наполеонами» и прочими «великими историческими личностями»), можно увидеть объяснение того, почему фашизм некогда возник на почве европейского либерализма.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Основные проблемы теории прогресса // Соч.: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2.
2. *Гайденок П.П.* Бытие и разум // Вопросы философии. 1997. № 7.
3. *Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.

4. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
5. Маравалль Х. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1964. Т. 35.
8. Поппер К.Р. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8.
9. Поппер К.Р. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 9.
10. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1.
11. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2.